

УДК 1.14

Малинова О.Ю.

Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности

В докладе рассматриваются факторы, обусловившие особую политическую «актуальность» прошлого в современных обществах. Отмечаются методологические проблемы, связанные с их изучением. Особое внимание уделяется проблеме понятийного аппарата. Автор делает вывод, что прогресс в осмыслении общего и особенного в практиках политического использования прошлого возможен, во-первых, при условии постепенной специализации данного проблемного поля, во-вторых, за счет более осмысленного использования понятий, в-третьих, на пути систематических сравнительных исследований.

Ключевые слова: политика идентичности, политическое использование прошлого, исследования памяти, коллективная память.

Малинова Ольга Юрьевна,
д.филос. н., проф. Национально-
го исследовательского универси-
тета «Высшая школа экономики»,
Департамент политической науки,
г.н.с. ИНИОН РАН, omalino-
va@mail.ru, 117997 Москва, Нахи-
мовский пр-т, 51/21 ИНИОН РАН,
отдел политической науки.

Исследование проводится в
рамках Программы фундамен-
тальных исследований Президиу-
ма РАН «Историческая память и
российская идентичность».

UDK 1.14

Malinova O.Yu.

The urgency of a usable past: history, memory, and identity politics

The factors, which have made the past especially urgent, in political terms, in modern society, are examined in the report. The methodological problems connected to their studying are highlighted. The special attention is paid to a problem of the conceptual framework. The author comes to a conclusion that progress in comprehending the general and particular practices of using the past is possible, first, given the gradual specialization of that problem field, second, by more intelligent use of the concepts, thirdly, by doing regular comparative researches.

Key words: politics of identity, political use of the past, research of memory, collective memo

Olga Yu. Malinova, Dr. of Philosophy, professor of the National Research University Higher School of Economics, chief research fellow of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, professor of MGIMO-University

The research are being carried out within the framework of the "Historical memory and the Russian identity" program of fundamental researches proposed by Presidium of the Russian Academy of Science.

CDU 1.14

Malinova Olga Iurievna

Actualidad del pasado: historias, memoria y política de la identidad

En el trabajo se analizan los factores que determinan la "actualidad" específica del pasado en las sociedades contemporáneas. Se destacan los problemas metodológicos, vinculados con el estudio de dicho tema. La autora llega a la conclusión que es posible el progreso en la interpretación de lo general y lo particular en las prácticas de la utilización política del pasado, primero, a condición de la especialización del dicho campo problemático, segundo a condición de un uso más comprensible de los conceptos y tercero, en vía de realizar investigaciones sistemáticas comparativas.

Palabras-clave: política de identidad, utilización política del pasado, análisis de la memoria, memoria colectiva.

Malinova Olga Iurievna: Doctora en Ciencias Filosóficas, Profesora de la Universidad Nacional de investigación de "Escuela Superior de Economía", Departamento de la ciencia política del Instituto Nacional en Ciencias Sociales de la Academia de Ciencias Rusa.

, Este trabajo fue realizado en los marcos del Programa de investigaciones fundamentales de Presidio de la Academia de Ciencias Rusa "La memoria histórica e identidad rusa".

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ. То, что иногда называют «публичной историей» в отличие от «формальной» или «профессиональной» – репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов – оказывает существенное влияние на формирование представлений о нас и мобилизацию групповой солидарности [Малинова, 2015]. Прошлое служит «строительным материалом» для конструирования разных типов социальных идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций. Большинство исследователей национализма согласятся с утверждением Д.Белла: «Чтобы сформировать... чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором нация «отводится центральная и позитивная роль» [Bell, 2003, p. 69]. Не случайно в рамках утвердившегося канона именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

Хотя стремление рассматривать прошлое как важный ресурс, который необходимо держать под контролем, может считаться константой современной политики, нельзя не признать, что в XX веке – и особенно во второй его половине – прак-

тики обращения с этим ресурсом претерпели заметную эволюцию. Главные причины изменений нужно искать в самой истории прошедшего столетия, трагические события которой – невиданного прежде масштаба войны, революции, перевороты, перекраивание государственных границ, массовые убийства и этнические чистки, – затронули миллионы простых людей. Такая степень вовлеченности ведет к размыванию грани между историей и массовой индивидуальной памятью участников событий и их потомков [Winter, 2008, p. 6-7]. Новейшая история становится значимой частью личного опыта для многих людей. Можно сказать, что «пришествие масс» в политику в результате расширения избирательных прав и «историзация» массового сознания происходили одновременно. «Историзации» сознания способствовали многие «новшества» XX века. С распространением массового образования систематизированное знание о прошлом стало неотъемлемой частью социализации индивидов. Развитие информационных технологий – фотографии, кинематографа, телевидения – «визуализирует» историю, помогая зрителям ощущать себя виртуальными участниками событий [Heisler, 2008, p. 19; Kattago, 2009, p.381]. Не менее значительны и последствия новейших электронных технологий сбора и воспроизводства данных. По словам американского политолога Ж.-В.Мюллера, обусловленный ими фундаментальный переворот в «мнемони-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ческих технологиях) «по своему значению возможно равен изобретению печатного станка и угасанию устной памяти... после эпохи Возрождения» [Müller, 2004, p. 12]. Трагические и героические события XX века стимулировали развитие социальной «инфраструктуры» памяти – музеев, мемориалов, выставок, книг, документальных фильмов, ритуалов и др., – которые побуждают индивидов к «вспоминанию» коллективного прошлого и участию в его коммеморации. Все это меняет отношение к истории. Не удивительно, что в XX веке вопросы, связанные с интерпретацией ключевых исторических событий, оказались в числе «фундаментальных проблем», которые легко становятся предметами публичных дебатов (в том числе и потому, что, по определению Д.Арта, «не требуется особой подготовки, чтобы сформировать собственное мнение по этим проблемам» [Art, 2006, p. 3]). Благодаря этому прошлое оказывается не только одним из риторических ресурсов легитимации власти, но и частью самой политики.

В конце XX в. вопросы, связанные с публичной интерпретацией прошлого и урегулированием его последствий – наказанием виновных, реабилитацией жертв, восстановлением справедливости, – заняли значимое место в политических повестках многих государств мира. С проблемой переоценки прошлого столкнулись не только страны, вынужденные менять оценки собственной истории после краха коммунистических

режимов. Поистине тектонические изменения режимов памяти, наблюдаемые в последние десятилетия во многих регионах мира, связаны с очень разными политическими и социальными процессами.

Современный «бум памяти» – одно из очевидных следствий третьей волны демократических транзитов. Как верно заметил Э.Лангербахер, «память не может не выдвигаться на передний план в любой стране, страдавшей от диктаторского режима или социальной травмы, которой затем удалось восстановить мир и демократическую систему» [Langenbacher, 2010, p. 16]. Для Аргентины, Чили, Уругвая, Сальвадора, Испании, Греции, Южной Африки, Камбоджи и др. проблема «трудного прошлого» стала одним из принципиальных моментов трансформации авторитарных режимов; причем решалась она по-разному. Опыт посткоммунистических стран Восточной Европы в какой-то степени может интерпретироваться как часть этого тренда: демократизация политического режима делает возможной публичную артикуляцию версий коллективного прошлого, которые прежде подавлялись и замалчивались; при этом «возрожденная память» нередко оказывается удобным ресурсом для решения актуальных политических задач [Mink, 2008]. Кроме того, в процессе трансформации жестких авторитарных режимов встает вопрос о восстановлении нарушенных прав и наказании виновных (transitional justice). Здесь

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

стоит отметить, что современные практики обращения с прошлым в политических контекстах следуют международным правилам, сложившимся после второй мировой войны. Действия союзников, направленные на наказание виновных в военных преступлениях и дискредитацию германского нацизма и японского милитаризма, создали прецедент обращения с прошлым, на который продолжают ориентироваться спустя десятилетия*.

Вместе с тем, история оказывается предметом политических споров не только в странах, переживающих смену режимов. Актуализацию прошлого в посткоммунистических и постсоветских странах с не меньшим основанием можно связать с некоторыми региональными процессами. В частности, с европейской интеграцией, которая на протяжении последних десятилетий является весьма значимым фактором, определяющим национальные режимы памяти в Европе [Müller, 2004; Judt, 2004; Торбаков, 2012 и др.]. С канонизацией памяти о холокосте, сыгравшей решающую роль в изменении фокуса с «истории победителей» на «историю жертв» [Irwin-Zarecka, 1994; Judt, 2004; Kattago, 2009 и др.]. Или с динамикой «проработки» памяти о травматическом опыте второй мировой войны, которая отчасти отражает поколенческие сдвиги, а отчасти является следствием внут-

риполитических и региональных процессов, о которых шла речь выше [Rousso, 1991; Mink, 2008; Kattago, 2009 и др.]. Наконец, во многих посткоммунистических странах свою лепту в политизацию прошлого вносят свежие травмы недавних этнополитических конфликтов [Zakošek, 2007].

Превращению истории в предмет политики в немалой степени способствовало изменение подходов к политической адаптации этнокультурных, расовых, религиозных и гендерных различий, обобщенно называемое мультикультурализмом. Последний также стимулирует разработку новых исторических нарративов, отражающих игнорированный прежде опыт подчиненных групп и ставит под сомнение моральные основания доминировавших ранее концепций [Heisler, 2008, p. 17-19]. При этом зачастую речь идет не только о символическом признании, но и о материальной компенсации групповых травм, причиненных в прошлом.

Наконец, некоторые исследователи связывают современную «историзацию» политики со структурными изменениями интеллектуального контекста, в котором воображаются современные общества – принципиально новым отношением к прошлому, обусловленному исчезновением традиционных обществ, «основанных на памяти» [Noga, 1996]; распадом «больших нарративов», опиравшихся на идеологии-мировоз-

* О применении международного опыта transitional justice в контексте современных переходных режимов см. [Ash, 2010; Маколи 2011 и др.].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

зрения, которые определяли политическую картину мира в XIX в. и на протяжении значительной части XX в. [Mink, 2008; Копосов, 2011]*.

Очевидно, что в каждом конкретном случае складывается особая комбинация факторов, способствующих политической актуализации прошлого. Однако необходимо учитывать и кумулятивные эффекты «историизации» политики в качестве глобальной тенденции: во-первых, опыт политической работы с прошлым поддается переносу и иногда начинает восприниматься как норма, к которой апеллируют участники дискуссий в других странах**; во-вторых, конфликты «памятей» нередко имеют международный характер, в-третьих, все описанные выше факторы так или иначе влияют на изменение ментальных «систем координат», в которых укоренены современные политические практики.

Повсеместность практик политического использования прошлого делает актуальными сравнительные исследования, нацеленные на выявление разных типов «политики памяти»,

факторов, определяющих их успех или неудачу, стратегий, реализуемых различными акторами, понимание «пределов возможного» в данной области и т.п. И действительно, в последние десятилетия оформилось целое междисциплинарное направление *memory studies*, в рамках которого практикам использования прошлого в политических целях уделяется немало внимания. Однако несмотря на быстрое умножения числа работ пока не приходится говорить о существенном прогрессе в изучении эмпирических закономерностей: в *memory studies* преобладают исследования, посвященные конкретным случаям; сравнительные и эмпирические обобщающие работы редки. Правда, нет недостатка в спекулятивных «Теориях», построенных на произвольных рядах примеров, однако они легко опровергаются другими «теориями» того же рода.

Вместе с тем обобщение обширного эмпирического материала затруднено особенно сложившегося понятийного аппарата. С одной стороны, он не отличается единообразием: описывая свой предмет,

* Правда, некоторые авторы считают возможным говорить о развитии нового «большого нарратива» – нарратива глобализации, который, впрочем, пока мало затронул практику историописания – если не считать интереса к мировой истории [Strath, 2006, p. 33-34].

** В качестве примеров можно привести нюрнбергский процесс, создавший прецедент наказания виновных в военных преступлениях; опыт «пакта Монклоа» в Испании и «проработки прошлого» в ФРГ (начиная с 1960-х гг.), который нередко рассматривается в качестве успешных моделей преодоления «трудного прошлого», способных служить ориентирами для других стран; наконец, институционализацию памяти о холокосте в Европе в 1960-1980-х гг., оказавшую существенное влияние на культурную адаптацию фигуры

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исследователи используют разные понятия («коллективная память», «историческая память», «историческая политика», «политика прошлого», «политика памяти», «политическое использование истории», «режимы памяти», «культуры памяти», «игры памяти» и др.), причем могут вкладывать разное содержание в одни и те же термины. С другой стороны, наиболее часто используемые понятия – «коллективная память», «историческая память», «историческая политика» – имеют очевидные методологические изъяны.

Понятие «коллективная память» введено в научный оборот в 1920-х гг. французским социологом М.Хальбваксом для изучения влияния социальных структур на индивидуальное сознание. Развивая идеи Э.Дюркгейма, Хальбвакс доказывал, что «есть коллективная память и социальные рамки памяти; и именно в той мере, в какой индивидуальное сознание помещается в эти рамки и участвует в этой памяти, оно способно к акту воспоминания» [Halbwachs, 1992, p. 38]. Концепция коллективной памяти рассматривает представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи. Очевидно, что это понятие охватывает чрезвычайно широкий круг явлений: от воспоминаний участников событий и устной истории до традиций, мифов, дискурсов, ритуалов коммеморации и в некотором

смысле – даже языка и культуры. Поэтому авторы, использующие данное понятие, обычно выделяют внутри «коллективной памяти» различные составляющие. На наш взгляд, очень полезную таксономию различных форматов памяти разработала Алейда Ассман: она предлагает считать «в узком смысле «коллективным»... формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей “Мы”-идентичностью» [Ассман, 2014, с. 33]. Такая интерпретация понятия существенно уточняет его содержание, позволяя отличать «долговременные» и «унифицированные» конструкции, «закрепляемые политическими институциями» [там же, с. 35] от других форматов памяти.

Еще одним недостатком «коллективной памяти» является то, что она конкурирует с другими понятиями, описывающими те же явления в иных теоретических ракурсах – такими как «историческое сознание», «миф», «политическая культура» и др. В меньшей степени эта конкуренция проявляется по отношению к «истории»: следуя традиции, заложенной еще М.Хальбваксом [Хальбвакс, 2005], большинство исследователей не смешивают эти понятия. Предполагается, что «история» – это научная и теоретическая реконструкция прошлого, основанная на критическом отборе и нацеленная на получение объективного знания, тогда как «коллективная память» – это разделяемое культурное знание о прошлом, которое по

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

определению не может быть «систематическим» и «объективным»). Разумеется, историк не только описывает, но и интерпретирует, причем делает это из определенной социальной позиции, связанной с изменчивым настоящим, в силу чего профессиональная историография тоже оказывается подвержена «веяниям времени». Тем не менее «история» и «коллективная память» – это разные форматы представления прошлого в настоящем. Однако их нередко смешивают – например, в словосочетаниях «историческая политика» и «историческая память».

По-видимому, описанный в этом докладе тренд «актуализации» прошлого не только обусловлен разными факторами, но и выражается в разных, по-

рой противоположных друг другу символических стратегиях. На наш взгляд, прогресс в осмыслении общего и особенного в практиках политического использования прошлого возможен, во-первых, при условии постепенной специализации данного проблемного поля и встраивания его в теоретические подходы, разрабатываемые отдельными социальными науками (что не отменяет коммуникации поверх дисциплинарных границ, но делает ее более осмысленной), во-вторых, за счет более осмысленного использования понятий, в-третьих, на пути систематических сравнительных исследований, позволяющих обнаруживать общее в том, что кажется уникальным.

Библиографический список

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Копосов, Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Малинова, О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.
4. Торбаков, И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 91–125.
5. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.
6. Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: –Theology and science of religion Cambridge University Press, 2006.
7. Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. P. 63–81.
8. Halbwachs, M. On Collective Memory / Ed., transl. and with an introd. by L.A.Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

9. Heisler, M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617, № 1. P. 14–24.

10. Irwin-Zarecka, I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994.

11. Judt, T. The past is another country: myth and memory in post-war Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 157–183.

12. Kattago, S. Agreeing to disagree on the legacies of recent history. Memory, pluralism and Europe after 1989 // *European Journal of Social Theory*. 2009. Vol. 12, № 3. P. 375–395.

13. Langenbacher, E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations* / Ed. by E.Langenbacher, Y.Shain. Washington: George Town University Press, 2010 P. 13–49.

14. Mink, G. Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review*. 2008. Vol. 44. No. 3. P. 469–490.

15. Müller, J.-W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–35.

16. Nora, P. General Introduction: Between Memory and History // *Realms of Memory. Rethinking the French Past*. Vol. 1. Conflicts and Divisions / Under the Direction of P.Nora; Transl. by A.Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1–23.

17. Rousso, H. *The Vichy Syndrome. History and Memory in France since 1944* / Transl. by Arthur Goldhammer. Cambridge (Mas.); London: Harvard University Press, 1991.

18. Winter, J. Historical Remembrance in the Twenty-First Century // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. № 617. P. 6–13.

19. Zakošek, N. The Heavy Burden of History: Political Uses of the Past in the Yugoslav Successor States // *Politička misao*. 2007. Vol. XLIV, № 5, P. 29–43.

References

1. Assman A. *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. [The Long Shadow of the Past: the Memorial Culture and Historical Policy]. Per. s nem. B. Hlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.

2. Kopusov N.E. *Pamjat' strogogo rezhima. Istorija i politika v Rossii*. [Memory Strict Regime. History and Politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

3. Malinova O.Ju. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvujushhej jelity i dilemmy rossijskoj identichnosti*. [Current Past: Symbolic Policies of the Ruling Elite and the Dilemma of Russian Identity]. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2015.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

4. Torbakov I.B. «Nepredskazuemoe» ili «neopredelennoe» proshloe? ["Unpredictable" or "Unspecified" Past?]. *Mezhdunarodnye otnoshenija i rossijskaja istoricheskaja politika. Simvolicheskaja politika: Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs*. M.: INION RAN, 2012. S. 91–125.
5. Hal'bvaks M. *Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat'* [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005, no 2-3 (40-41). S. 8-27. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.
6. Art D. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
7. Bell D.S.A. *Mythscape: Memory, Mythology, and National Identity*. *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, no R. 63–81.
8. Halbwachs M. *On Collective Memory*. Ed., transl. and with an introd. by L.A.Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
9. Heisler M.O. *The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity*. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617, no 1. P. 14–24.
10. Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994.
11. Judt T. *The Past is Another Country: Myth and Memory in Post-war Europe. Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past*. Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 157–183.
12. Kattago S. *Agreeing to Disagree on the Legacies of Recent History. Memory, pluralism and Europe after 1989*. *European Journal of Social Theory*. 2009. Vol. 12, no 3. P. 375–395.
13. Langenbacher E. *Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations. Power and the Past*. Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. Washington: George Town University Press, 2010. P. 13–49.
14. Mink G. *Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms*. *Czech Sociological Review*. 2008. Vol. 44, no 3. P. 469–490.
15. Müller J.-W. *Introduction: the Power of Memory, the Memory of Power and the Power Over Memory. Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past*. Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–35.
16. Nora P. *General Introduction: Between Memory and History. Realms of Memory. Rethinking the French Past*. Vol. 1. *Conflicts and Divisions*. Under the Direction of P.Nora; Transl. by A.Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1–23.
17. Rousso H. *The Vichy Syndrome. History and Memory in France Since 1944*. Transl. by Arthur Goldhammer. Cambridge (Mas.); London: Harvard University Press, 1991.
18. Winter J. *Historical Remembrance in the Twenty-First Century. The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. no 617. P. 6–13.
19. Zakošek N. *The Heavy Burden of History: Political Uses of the Past in the Yugoslav Successor States*. *Politička misao*. 2007. Vol. XLIV, no 5, R. 29–43.